

Глава 3
ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Е.Н. Трубецкой об уроках войны и революции

Наиболее значительной философской работой Евгения Николаевича Трубецкого стала книга «Смысл жизни», написанная, по его словам, «под гром пушек октябрьского расстрела 1917 года» [Трубецкой 2003: 3]. В предыдущей главе уже затрагивались некоторые аспекты размышлений Трубецкого по поводу смысла войны, зла и насилия. Трубецкой пытался найти ответ на вопрос о том, может ли наша вера в смысл жизни выдержать адский вихрь всеобщего разрушения, когда весь мир охвачен зловещим заревом пожара мировой войны и революции.

Философия В.С. Соловьева оказала огромное влияние на творчество Е.Н. Трубецкого. Поэтому в его раздумьях тема о смысле жизни ставилась не просто как потребность найти гармонию в субъективном мире, но как проблема онтологического порядка. Ключ к пониманию философских исканий и построений Трубецкого — в платоновской установке о том, что смысл по существу должен быть неизменен и вечен. И найти смысл жизни — значит уяснить, что наше сознание не «гадает» о нем, а «обладает» им. Вместе с тем «неизменность и вечность» смысла предполагает, что он открыт не только моему сознанию, с его колебаниями и границами, но что он независим от моего сознания, — и это ведет нас к «предположению некоего безусловного сознания». Это предположение безусловного сознания, — считал Трубецкой, — есть необходимая предпосылка всякого акта нашего сознания.

По мнению протоиерея Василия Зеньковского, в отличие от В.С. Соловьева, для которого принцип «всеединого сущего» был основным, Е.Н. Трубецкой возвращается к позиции Ф.А. Голубинского об изначальности для нас идеи Безусловного [Зеньковский 1991: 108]. «Истина есть всеединое сознание, а не всеединое сущее, — писал Трубецкой, — ибо сознание объемлет в себе и бытие и небытие — и ночь, которая есть теперь, и день, которого уже нет. Только при таком понимании становится возможной истина о возникновении и уничтожении, т.е. о переходе от бытия к небытию и

обратно» [Трубецкой 2003: 5]. Из этой посылки исходил Трубецкой, размышляя над смыслом войны.

Философ полагал, что господство зла в мире проявляется в форме всеобщей войны между людьми. И хотя факт самой войны — явление древнее как мир, но *мировая война* — новый и необычный факт в истории человечества. Истоки войн кроются в самом смысле человеческого бытия. В погоне за материальными благами, корыстными целями и удовлетворением не только личных, но и государственных амбиций люди теряют свой человеческий образ, уподобляясь животным. Жизненный пир человека есть торжество победителя в борьбе за существование. В замкнутом биологическом круге существования всякая жизнь поддерживается за счет других жизней, всякое торжество одного возвещает смерть другого и связывается с лозунгом — «горе побежденным» [Там же: 46].

В жизни народов, по мысли Трубецкого, идет борьба за лакомый кусок. Среди людей, как и у животных, царит «та же телеология борьбы за существование», где бесчисленное количество жизней гибнет жертвой беспощадного закона «войны всех против всех» [Там же].

Одно из главных противоречий в жизни человека Трубецкой видел в «жажде смысла жизни и царящей в мире бессмыслицы». Вера в смысл человеческой жизни связана с верой в безусловное достоинство человека как носителя этого смысла. Но государственная, коллективная жизнь не оставляет места для этого достоинства. Народы вооружены и находятся в постоянном состоянии войны, даже если не ведут эту войну. Государство требует от человека необходимости защищать его интересы с оружием. Государство стремится подчинить себе всего человека, со всеми его помыслами и стремлениями.

Трубецкой полагал, что насильственное отношение государства к человеку и к его жизни не оправдано тем, что государство дает взамен. И самое страшное, по мнению мыслителя, что государство извращает сам духовный облик человека [Там же: 48]. Нуждаясь в услугах шпионов, палачей, проституток, государство толкает людей за деньги продавать свою совесть. Именно в этом — глубокая нравственная антиномия между личностью и государством, где последнее хочет быть для человека «безусловной ценностью; оно вообще не склонно признавать никаких высших над собою ценностей, в том

числе и ценности человеческой души или безусловного достоинства человека» [Там же].

Одной из причин того, что борьба между отдельными государствами за сферы влияния становится нормой жизни, является одухотворенное зло, что и влечет за собой бесконечные войны. Наблюдая за трагическими событиями Первой мировой войны, Трубецкой писал: «Наша человеческая действительность становится чрезвычайно похожей на ад. Посмотрите на эти вооруженные с ног до головы государства, ошестинившиеся друг против друга и периодически заливающие мир кровью!» [Там же: 52].

В чем же причины зла? Для человека впадение в низшую область жизни противоестественно, и оттого оно так страшно. Зло раскрывает звериную природу человека, в то же время человек сохраняет свою свободу. *Зверя* в человеке обнаруживают не только ужасы войны, но «всякое проявление рабства человеческого духа, всякое подчинение его низшей, подчеловеческой стихии» [Там же: 53].

Находясь в Добровольческой армии и размышляя над причинами череды трагических событий мировой войны, революции и гражданской войны, Трубецкой написал ряд работ: «Анархия и контрреволюция» (1917), сборник «Два зверя. Старое и новое» (1918), «Звериное царство и грядущее возрождение России» (1919), «Великая революция и кризис патриотизма» (1919). Он был уверен в том, что мировая война для России стала знаковым, роковым событием. Россия не смогла осуществить тех мировых задач, которые перед ней стояли; солдаты, устав от войны и утратив нравственный стержень, повернули свое оружие друг против друга. В ходе мировой войны в сознании русского народа произошли серьезные перемены.

В статье «Великая революция и кризис патриотизма» Трубецкой, проанализировав события революции в Германии, вскрывшей многие проблемы социума, приходит к выводу о том, что мысль о необходимости спасительной войны постепенно внедрялась в сознание людей. Однако война привела не к спасению, а к всемирной катастрофе, которая поставила народы Европы на край гибели. Война «обнажила бессмыслицу современной государственной жизни: она создала ту тяжесть страданий, за которую не в состоянии вознаградить никакая победа» [Трубецкой 1994: 398].

Одну из главных причин краха Российской империи Трубецкой усматривал в «грандиозном обмане» собственных интересов, в силу

чего и произошла трагедия революции. Народ понял бессмысленность войны и повернул свое оружие против тех, кто организовал эту бойню. Из чего Трубецкой констатировал «*поворот войны фронтом внутрь*» [Там же]. Обвиняя международный интернационализм в буржуазности, Трубецкой называл его «всемирной болезнью» и новым соблазном для России. Он полагал, что в критические минуты войны люди «променяли Родину на классовую выгоду. <...> Утрата духовных ценностей, экономизм, для которого рай чувственный, материалистический есть высшее, безусловное, — вот та всемирная болезнь, которая подточила национальное чувство и у нас, и в Германии, и в Болгарии» [Там же: 401]. Забыв об идеях нации, государство и народ соблазнились политической аферой, которая подтвердила закон кровавой борьбы, господствующий в международных отношениях.

В причинах Гражданской войны Трубецкой искал духовную подоплеку событий, понимая противостояние в стране как своеобразный результат падения духовных ценностей, общественного разложения и разгула сил зла, которые в мирное время сдерживались страхом перед властью. Война «пробудила зверя в человеке» [Там же: 404]. И в этом смысле Трубецкой был уверен в том, что «движение, коего все содержание сводится к войне и насилию, есть сила только разрушительная, а не созидательная» [Там же: 407]. Вседозволенность во время войны ведет к подмене этических норм и правил; жизнь и личность человека утрачивают свою ценность. Гораздо удобнее приколоть сдавшего в плен врага, чтобы развязать себе руки, чем возиться с ним. Разве не соблазнительная возможность оправдать это удобство соображениями всеобщей безопасности и национальными интересами? [Трубецкой 1992]. Таким образом, личный эгоизм на войне совпадает с эгоизмом коллективным. По мысли Трубецкого, на войне утверждается практическое Безбожие. В результате народ теряет доверие к власти.

Большевики противопоставили коллективному эгоизму нации коллективный эгоизм класса. И в этом их успех. Они объясняли народу, что существует только две нации: простой народ и имущие классы, его заклятые враги. Война перевернула фронт — из мировой она стала гражданской, так как народ поверил в пропаганду большевиков. Революция, которая началась с военного бунта, перенесла мораль войны на общественные отношения. Война, получив даль-

нейшее развитие, стала всеобщей, перешла в войну всех против всех, то есть в гражданскую. С горечью Трубецкой констатировал: «И словно самой Родины нет больше, — есть только враждующие между собой <...> хищные волки, которые рвут друг друга на части или собираются в стаи, что бы вместе нападать на одиноких» (цит. по [Половинкин 1989: 6]).

Для Трубецкого всеобщая война приняла темный сатанический облик мировой жизни, который проявляется в массовом озверении, глумлении над человеком, гонении против церкви, христианской морали. Еще в период первой русской революции в статье «Два зверя» Трубецкой высказывал опасение, что России грозят две крайности: черный зверь реакции и красный зверь революции. Тогда, в начале века, он написал: «Глубокая трещина, уже образовавшаяся между Думой и народными массами, грозит превратиться в бездну, в которую все провалится» [Трубецкой 1994: 313]. Предчувствия Трубецкого оправдались и оказались во многом пророческими.

В своих религиозно-философских раздумьях о судьбах родины Трубецкой поставил вопрос о *вселенской правде*. Требование *всеединства* — та отправная точка в понимании смысла жизни и решении проблемы зла, которая отчетливо объясняет мировидение Трубецкого. Мир, как он задуман в предвечном божественном совете, является неделимым целым. И в этом единстве все части внутренне органически связаны между собою [Там же: 185]. Всеединное сознание является абсолютным синтезом, в котором все связано воедино — и временное, и вечное. Мир, становящийся во времени, несовершенен. Из этого следует, что «вопрос о свободе воли есть прежде всего вопрос об отношении твари к ее божественной идее» [Там же: 173].

Трубецкой исходил из того, что вся христианская теодицея основана на том предположении, что источник зла заключается не в творческом акте Божества, а в *свободной воле твари* [Там же: 253]. Очерчивая вопросы смысла жизни, всемирного зла, свободы воли, идеи всемирного Творения, он утверждал, что главным источником зла в мире является *грех*; «злая воля есть именно восстание против всеединства, а грех — его *нарушение*» [Там же: 137].

Но если есть Бог, то откуда же зло? Ответственность за зло в мире, с точки зрения христианской теодицеи, лежит не на Боге, а на грешной твари. Христианское учение о *грехе первородном* признает наследственность греха. Трубецкой обращается к мыслям Блажен-

ного Августина, который характеризовал состояние зараженной грехом человеческой воли как «невозможность не грешить [Там же: 254]. Отдельный индивид бессилён прервать *греховную цепь* рода. Единственный путь спасения — преображение всего человечества и каждого отдельного человека во Христе. Поэтому Трубецкой был уверен, что «человек призван сочетаться с Христом двоякими узами — в *свободе*, как друг Божий, и в *обновленной природе*, как новая тварь и как член тела Христова» [Там же: 281]. Рабство человеческой воли побеждено крестною смертью Христа в самом своем корне и источнике.

В религиозных построениях мыслителя важную роль играла тема креста. Трубецкой усматривал в жизни человека два направления: горизонтальное (устремленное в мир дольний) и вертикальное (устремленное в мир горний). Их пересечением и является крест. Христианство ведет человека к полноте вечной радости через крест, через Голгофу. Это путь величайшей скорби. И в этом, по мысли Трубецкого, заключен главный парадокс смысла бытия. Величайшее страдание жизни освещено всею полнотою мирового смысла и идей Боговоплощения. Нет Светлого Христова Воскресения без Страстной седмицы [Там же: 106]. Трубецкой был уверен, что это и есть оправдание долгого и мучительного пути мировой эволюции, религиозно-нравственного совершенства.

Россия несет свой крест. В статье «Звериное царство и грядущее возрождение России» Трубецкой констатировал, что «русские события — не более как местное проявление великой мировой драмы. Поэтому процесс духовного возрождения <...> имеет не местное только, а общее мировое значение» [Трубецкой 1992]. В диктатуре большевизма Трубецкой усматривал для России губительный путь к «звериному царству» [Там же]. Только тогда, когда люди поймут взаимную ответственность друг за друга, за предков, потомков, современников, за «всю тварь поднебесную», возможна всемирная солидарность и надежда на Откровение. С такими мыслями о мироустройстве и смысле жизни Трубецкой был неугоден новой власти, да и она его не устраивала.

Философ очень переживал не только трагедию страны, но и гонения на Православную Церковь. Он связывал надежды с духовной деятельностью церкви и со Священным Собором Православной Российской церкви, который собрался в Москве 15 августа 1917 г. Тру-

бецкой всегда верил, что вместе с церковью воскреснет и Россия. Об этом он пишет княгине Н.Г. Яшвиле [Половинкин 1989: 6]. Причину гонений Советской власти на церковь Трубецкой объяснял особой ролью церкви в обществе. Церковь осуждала кровавый хаос братоубийственной войны и воспрещала людям «глотать друг друга», поэтому она и была ненавистна новой власти.

Как религиозный философ, Трубецкой понимал смысл жизни в противодействии всеобщему злу, в деятельной любви к Богу. Религия, по самому смыслу своего значения, связывает людей воедино. Если эта связь исчезает, общество превращается в анархическую толпу (следствие практического безбожия). В России, по мысли Трубецкого, все общественные связи держались связями религиозными. Когда эти связи ослабели, мир рухнул и человек уподобился зверю. И в этом трагедия.

Как спасти гибнущую Россию? Трубецкой предлагал заботиться о нравственном росте личности. Следует не только стремиться к Богу, но и признать относительные ценности, ибо Бог есть смысл и всего относительного, временного. Общественные катастрофы, такие как войны и революции, не должны привести людей к бездеятельности, напротив, жизнь должна постоянно развиваться. Нужно укреплять порядок в государстве, заботиться о близких и нуждающихся в помощи. Надо не потерять в повседневной жизни культуру быта и отношений. Испытания должны нравственно закалять личность.

Трубецкой критически относился к популярным в те годы идеям о близком конце света. Конец мира — это не простое прекращение мирового процесса, а достижения главной его цели, главного смысла — создания Богочеловечества. Богочеловечество, к которому мир придет в ходе трудных испытаний и нравственного совершенствования, — это не только величайшее чудо Божье, но и проявление высшей энергии человеческого естества.

Трубецкой верил, что без духовного единства, без сплочения всех социальных групп вокруг идеи возрождения России не смогут осуществиться ни экономические, ни социальные реформы. Для того чтобы осуществить их, необходима вера в силы русского народа, в человеческое единство, доминирующее над разобщенностью звериного царства, твердость в перенесении невзгод. Победив в себе зверя, можно победить войну, зло и насилие. Исцеления для государст-

ва, по мысли Трубецкого, можно ждать только от духовной и общественной силы. Князь Е.Н. Трубецкой был убежденным сторонником отношения к истинам религиозной веры как высшей ступени человеческого сознания.

Разбирая причины революции и Гражданской войны, Трубецкой опирался на историософские обоснования событий, уходя от конкретных исторических условий и объективных причин той революционной ситуации, которая сложилась в России к 1917 г. Он видел и анализировал зло, которое принесла Первая мировая война и революция, но не учитывал те социально-экономические и политические причины, которые привели Россию к трагедии 1917 г.

Рассуждая в целом о религиозно-нравственных причинах и смысле зла, Трубецкой не увидел конкретную человеческую судьбу в реальной исторической обстановке. Причину того, почему народ пошел за большевиками, он объяснял коллективным эгоизмом, но не учитывал колоссальный комплекс объективных причин, который привел Россию к революции.

И все-таки позволим себе согласиться с мыслью Трубецкого об исторической ответственности современников за судьбу предков и потомков, сохранение преемственных связей в судьбе Отечества.

Отступая вместе с Добровольческой армией в 1920 г., князь Трубецкой оказался на Кавказе. Он скончался от тифа в Новороссийске незадолго до окончательной эвакуации Добровольческой армии. Ему не удалось увидеть изменения, произошедшие в России в послереволюционные десятилетия. Тем поучительнее для нынешнего прочтения видятся его суждения о возможном будущем России, его предостережения, увещевания и, несмотря ни на что, оптимистические ожидания.

На пиру богов Онтологические горизонты С.Н. Булгакова в осмыслении войны и революции в России

Похожий, хотя и по-своему уникальный опыт осмысления войны и революции в России извлек и сформулировал в своих трудах Сергей Николаевич Булгаков. В 1917 г. он принимает участие во Всероссийском Поместном Соборе как представитель духовных учеб-

ных заведений Москвы. В автобиографических заметках Булгаков писал, что ему «становилось недостаточно смены “мировоззрения”». «“Левитская” моя кровь говорила все властнее, и душа жаждала священства, рвалась к алтарю» [Булгаков 1996: 347]. В том же году Булгаков был избран ординарным профессором экономии Московского университета, однако душа его стремилась к другому, к молитвенной жизни. Для университетской среды эта ситуация была почти скандальной. Но революционные события, охватившие Россию, сделали мечты Булгакова явью.

9 июня 1918 г. в Свято-Даниловом монастыре, в канун праздника Святой Троицы, С.Н. Булгаков был рукоположен в сан диакона епископом Феодором. Позднее Булгаков писал: «Это явилось для меня началом нового состояния моего бытия, в котором с тех пор и доныне пребываю» [Там же: 349]. Став священнослужителем, Булгаков обращается к религиозно-нравственным аспектам проблемы зла и насилия.

Исследователь и биограф творчества Булгакова Л.А. Зандер писал: «В мировоззрении о. Сергия нет области, чуждой религиозной реальности: от всего протягиваются нити к откровенным истинам о Боге, все возвещает о Его премудрости, благодати и славе. <...> Чисто русское стремление о. Сергия во всем доходить до конца одинаково касается его жизни и мысли. В результате исканий он приходит к выводу, что религия есть высшая и абсолютная Истина, и поэтому ей должны быть подчинены все области знания и бытия. Эта черта мышления ярко отразилась на всем творчестве; она выражается не только в последовательности его мысли, но и в той удивительной свободе и одновременно железной дисциплине, с которыми он подходит к исследованию философских и богословских проблем» [Зандер 1948: 68].

Весной 1918 г. Булгаков пишет для сборника «Из глубины» диалоги под общим названием «На пиру богов». Переживая события революции и Гражданской войны, Булгаков пытается в них разобраться и интерпретировать в форме диалогов очевидцев. Таким образом, через философское и творческое осмысление случившейся в России трагедии, он ищет ее истоки. Во взглядах Булгакова на сущность войны и революции доминируют ноты эсхатологии. По сути, в форме диалогов своих героев Булгаков ведет монолог с самим собой, анализируя реалии России. В этом смысле Булгаков был не

одинок. В сборнике «Из глубины», посвященном русской революции и осмыслению кардинальных изменений в России, публикуют свои статьи П.Б. Струве, С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк и другие представители веховского движения.

Названием сборника послужили начальные слова первой строки 129 псалма Давида: Из глубины возвах к Тебе, Господи! De profundis clamavi ad te, Domine! Эта идея принадлежала С.Л. Франку. Книга собиралась в московской конторе журнала «Русская мысль» на Сивцевом Вражке и печаталась в типографии Кушнерева и К^о под названием «Сборник “Русской мысли”». В августе 1918 г. тираж был готов. Но после убийства М.С. Урицкого и покушения на В.И. Ленина о продаже сборника не могло быть и речи. Весь тираж пролежал на складе до 1921 г., а затем был изъят из обращения; большинство авторов были высланы из России в 1922 г. на печально известном «философском пароходе». Лишь Н.А. Бердяеву удалось вывезти экземпляр сборника. В 1967 г. Париже, в издательстве УМКА-Press было осуществлено переиздание сборника «Из глубины». Работа С.Н. Булгакова «На пиру богов» была опубликована отдельно в 1918 г. в Киеве, а затем в Софии в 1920 г.

В статьях, вошедших в этот сборник, феномен революции русские религиозные философы анализировали с точки зрения христианского гуманизма, акцентируя свое внимание на нравственных аспектах и глубоко духовных причинах революционных событий в России в 1917 г. Книга была проникнута стремлением защитить общечеловеческие ценности и утвердить целостность и преемственность культурного бытия.

Продолжая традиции всеединства, диалоги С.Н. Булгакова «На пиру богов» в жанровом и содержательном отношении сознательно были ориентированы на «Три разговора» В.С. Соловьева. Герои Булгакова высказывают точку зрения либералов и консерваторов, демократов и представителей духовенства. Булгаков пошел по такому пути не случайно, тем самым оконтурив образы и персонажи, более близкие к его кругу. Здесь нет представителей крестьянства, пролетариев и членов радикальных партий. Булгаков сам задает вопрос: «Где же он, великодушный и светлый народ, который влек сердца детской верой, чистотой и незлобивостью, даровитостью и смирением? А теперь — это разбойничья орда убийц, предателей, грабителей, сверху донизу в крови и грязи, во всяком хамстве и

скотстве» [Булгаков 1993, 2 : 565]. Такой ход Булгаков выбрал сознательно, отвергая априори «диктатуру пролетариата» как сколько-нибудь приемлемую перспективу для России.

Свои размышления о взглядах русских мыслителей на проблему войны и мира мы начали с анализа работы В.С. Соловьева «Три разговора...», где персонажи известного произведения рассуждают на берегу Лазурного моря о путях и судьбах России. В предчувствии — таков диагноз Соловьева. Прошло почти двадцать лет, и Булгаков снова возвращается к диалогам героев «Трех разговоров...». Изменилось место и время событий, поменялись некоторые собеседники, но тема остается прежней — судьба России и соотечественников в вихре революционных бурь и военных потрясений.

Среди участников диалогов есть и Генерал. *Беженец* заменил в диалогах Булгакова Соловьевского господина Z, проводника авторской точки зрения, а за *Дипломатом* Булгакова по мировоззрению и даже по языку нетрудно разглядеть Политика Соловьева. С.Н. Булгаков выводит в своем произведении шесть собеседников, среди которых *Общественный деятель*, *Писатель*, *Светский богослов*. Тематика пяти диалогов «На пиру богов» разнообразна. Нас интересуют в первую очередь вопросы, связанные с феноменами войны и революции.

За два десятилетия концепция войны в мировидении Булгакова меняется. Если в начале Первой мировой войны воззрения философа имели национально-мессианский характер, близкий к неославянофильству, то последующий ход неудачных военных событий и революция возвращают Булгакова к теме трагизма истории и духовного кризиса цивилизации. В этот период для творчества С.Н. Булгакова характерно доминирование эсхатологического начала в анализе сущности войны.

Именно поэтому так необходим для дискуссии современников образ *Писателя*, придерживающегося славянофильской точки зрения. *Писатель* считает, что Россия, изменив своему призванию явить миру новую, соборную общественность, стала его недостойна, а потому пала. Происходящие события революции и Гражданской войны — своеобразный негатив русского позитива: «Вместо вселенского соборного всечеловечества — пролетарский интернационал и «федеративная» республика» [Там же: 568]. Россия в своей свободной воле изменила себе самой.

Дипломат в корне не согласен с *Писателем*, называя идеи 1914 г. об освободительной миссии России и о кресте на Святой Софии макиловщиной и славянофильским старьем. Времена изменились, и война стала иной. Если раньше война была нормой жизни, так как были «другие нервы и другие нравы: резали друг друга во славу Божию», то для теперешней Европы «война невыносима и преступна, она есть мерзость пред Господом, и в этом сплошном безумии и падении я не вижу никакого просвета» [Там же: 570].

В уста *Писателя* Булгаков вкладывает собственные мысли, высказанные им в статье «Война и русское самосознание» о Европе, представляющей собой «скопидомскую мешанку». Европа настолько обогатилась, что стала позволять себе пожить в свое удовольствие. Вряд ли Европа, задыхавшаяся в капиталистическом варварстве, в напряжении милитаризма накануне войны имела больше духовного здоровья, нежели теперь, когда очистительная гроза уже разразилась [Там же].

Размышляя о последствиях войны и отклонении России от своей освободительной миссии, *Писатель* склонен думать, что страна духовно отравлена потому, что забыла об историческом долге. Даже внешний вид солдата изменился: он стал каким-то звероподобным, страшным. «Товарищи» кажутся мне иногда существами, вовсе лишенными духа и обладающими только низшими душевными способностями, особой разновидностью дарвиновских обезьян — homo socialisticus», — признается *Писатель* [Там же: 573].

Беженец согласен с *Дипломатом* в том, что большевизм является прямым продолжением войны, это «ее гниение, перешедшее вовнутрь» [Там же: 575]. Победа большевиков и диктатура пролетариата, по мнению Булгакова, стала возможной по причине не только экономической слабости России, но и того, что русская душа наименее извращена, она «не вынесла надолго ига милитаризма, и слава Богу! Разве вы хотели бы на самом деле, чтобы русский солдат уподобился военной кукле, которую швыряют с одного фронта на другой, чтобы лечь костями за новые рынки для Vaterland'a? <...> Наш народ не любит войны — это факт» [Там же: 576]. Однако благодаря войне в русской истории наступила большевистская эпоха. Большевики дорвались до жизненного пира, и в этом, по мнению Булгакова, мораль войны и мораль современных диалогов.

Генерал не согласен с такой точкой зрения, считая, что революция убила душу армии и русскую государственность. Для него день отречения Николая II от престола 2 марта 1917 г. стал смертным днем России. Называя себя неисправимым романтиком самодержавия, *Генерал* констатирует тот факт, что нельзя было менять помазанника Божия, как извозчика; переменяв, поехали в другую сторону. Вкладывая в уста *Генерала* мысли о трагической судьбе последнего русского царя, олицетворяющего Россию, Булгаков чувствует, что Россия пошла по неверному пути.

Не смогли увидеть лжепророков. Если и говорить о вине, то только о трагической, точнее «о некоей жертвенной обреченности, выпадающей на долю достойнейших, а отнюдь не бездарностей», — уверяет *Беженец* [Там же]. Такую жертву принес русский государь Николай II. В трагическом пути последнего императора — Промысел Божий. «Сердце Царево, — по мысли *Генерала* и самого Булгакова, — в руке Божией, и нам не дано исправлять Его пути, в чем теперь и всем пора убедиться, как пора убедиться и в том, что царь при всех своих слабостях все-таки был выше своего народа. Не захотели царского самодержавия, несите теперь иго интернационального» [Там же].

При этом *Генерал* высказывает недоверие и к кадетам, и к другим демократическим партиям, считая их политику более лживой, чем прямолинейный большевистский стиль. Для участников диалогов события революции закономерны. Давно подгнивший трон рухнул и развалился, и на его месте ровно ничего не осталось. Революцию сделала война, а затем ею воспользовались как достойные, так и недостойные власти, и события стали разворачиваться с неумолимой логикой. Виноваты все, представители не только народа, интеллигенции и армии, но и церкви [Там же: 581].

В годы Первой мировой войны была подорвана вера «в Бога, царя и Отечество», что и явилось главной причиной катастрофы. *Генерал* уверен в том, что армии необходим здоровый духовный организм; русская военная мощь, как и русская государственность, «связана со своей энтелехийной формой и основана на вере, а не на воле народной и разных там измышлениях. Вне этой формы нет и России» [Там же: 583]. Высказывая мысль о том, что временное иноземное иго лучше, чем правление кадетов и европейский парламентаризм, *Генерал* усматривает в правовом государстве главную причину подрыва

ва основ православного царства. Большевизм в своих поисках равенства и братства, по сути, является социалистической лжетеократией.

Споря о том, что же явилось причиной разложения армии, *Общественный деятель* подчеркивает ряд ошибок самодержавия и правительства, попустительство и демагогию. *Генерал* полагает, что народу надоело слушать всех, у него «ум-то не черт съел, хоть и делает он глупости и безумия» [Там же: 584], а армия не восстановится, пока не возродится русская государственность. *Дипломат* не видит смысла в реставрации монархии, считая, что «русская революция наглядно показала, что монархических чувств и в русском народе уже нет» [Там же]. Следует искать новые республиканские формы правления и пути в развитии России.

Беженец возвращает участников диалогов к теме апокалиптики, полагая, что только будущее покажет, к чему идет мир, который «может беспрепятственно стремиться к последнему, окончательному смещению» [Там же: 585], где свою роль сыграет и панмонголизм. Для России опасна как политическая игра Германии, Японии и США за передел мира, так и угроза с востока. Смысл замечания *Дипломата* по поводу мировой политики очень созвучен современным процессам, происходящим в начале XXI столетия: «Капитал давно стал интернационален, но таким же становится и капитализм. Для него государственность уже узы, он тоже ищет свободного “самоопределения”, дальнейшая же милитаризация, которая неизбежно была бы связана с системой политического равновесия, будет ни для кого не посылна. Если победит согласие, система Соединенных Штатов утвердится повсюду» [Там же: 585–586].

Вкладывая свои размышления в уста *Беженца*, Булгаков напоминает, что события последних лет носят фатальный характер. Это и влияние Распутина на царскую семью, и неудачные наступления русской армии, Брестский мир, странное роковое везение большевизма. Можно найти причину таковых событий в грехе власти, темноте народа и даже во вражеском плане. Но Булгаков полагает, что «здесь действует и какая-то невидимая рука, которой нужно связать Россию, осуществляется какой-то мистический заговор, “некто в сером”, <...> кто похитрее Вильгельма, теперь воюет с Россией и ищет ее связать и парализовать. Чем-то она мешает тому, кто рвется к жадному господству над миром. И разве это не есть небывалое в истории, хотя и отрицательное, черное чудо: падение мирового цар-

ства, в сущности, в несколько часов или хотя месяцев? Чувствую это давно и неотразимо» [Там же: 587].

Так Булгаков подводит своих героев к проблеме духовного возрождения нации. Как выйти из кризиса? Как России возродиться? У каждого из участников диалогов своя точка зрения. *Генерал* стоит за восстановление сильной армии и государственности; для *Дипломата* ясно, что здоровая государственность держится на правовом порядке; для *Общественного деятеля* все рухнуло, вера умерла, и нет русского народа.

Переосмысливая в диалогах своих героев события революционной поры, Булгаков стремился понять, что же двигает революцией и народом. Только ли желание власти, мира и хлеба? И откуда взялось такое страшное безбожие и поругание собственных храмов и веры, почему народ встал на путь богоборчества? Как для религиозного философа, для него это один из самых главных вопросов в рассуждениях о трагедии России, о смысле ее существования, ее будущем.

В уста героев диалогов «На пиру богов» Булгаков вложил мысли и слова не только реальных людей, окружающих его, но настроения и переживания разных слоев российского общества, расколовшегося на белых, красных, зеленых. Российское общество оказалось разделено идеологически и духовно, просто из-за непонимания друг друга, непонимания того, что происходило со страной в целом.

Работу «На пиру богов» можно назвать глубоко экзистенциальной, так как Булгакова волнуют не только собственные переживания случившегося, но и растерянность русских людей перед непостижимой катастрофой. На вопросы, которые ставят персонажи диалогов о русском прошлом, настоящем и будущем, убедительного ответа нет. И в этом — суть трагедии.

Булгаков затронул тему не только русского народа, но и национальностей, проживающих на территории России. По мнению *Безженца*, русскому народу национализм чужд. *Дипломат* не согласен с такой точкой зрения, полагая, что самоопределяющиеся народности просвещеннее, культурнее и честнее. А для *Генерала* страшнее то, что революция разложила народ на этнографические элементы, тем самым уничтожив единую страну. В полемику вмешивается *Писатель*, для которого Христова истина нерушима; он уверен, что русский народ, пройдя все искушения и испытания, сохранит свою веру и спасение миру придет через русский народ. Это мысли само-

го автора, который неоднократно, вслед за В.С. Соловьевым, писал о богоносной русской земле. Вспомним статью С.Н. Булгакова «Героизм и подвижничество», где он анализировал тему христианского подвига, смысл которого — в смирении и молитве. Этим идеям о подвиге русских молитвенников и старцев Булгаков остался верен и в 1918 г.

В третьем диалоге Булгаков касается проблем влияния идеологии большевизма на духовное состояние российского общества. В большевизме есть глубокая тайна. По мнению *Беженца*, происходит *духовная провокация* как совокупность многих факторов и причин, в том числе влияние германизма.

Четвертый диалог посвящен теме социальных преобразований в русском обществе. Что же такое социальная идея равенства и братства? По мнению *Богослова*, народ озверел потому, что ему вспрыснули в лошадиной дозе яд социализма. *Дипломат* не совсем согласен с такой точкой зрения, полагая, что в отличие от европейского социализма русский принял гротескные формы, убивая и грабя на своем пути. Может быть, опять виновата русская интеллигенция?

Булгаков возвращается к своим ранним мыслям о нигилизме и безбожии большей части русской интеллигенции, высказанным на страницах «Вех» в начале века [Лазарева 1996]. Не церковь виновата в том, что народ забыл Бога, но бойкот и неверие интеллигенции способствовали распространению атеизма. Революция сыграла злую шутку, когда и интеллигенция, и церковь стали гонимы большевиками. Проблема даже не в интеллигенции, а в интеллигентщине. Только духовное возрождение может спасти интеллигенцию. Причем кризис терпит и российская, и европейская интеллигенция. По мысли Булгакова, *война* явилась следствием и симптомом глубоко духовного мирового кризиса, который породил кубизм, футуризм, большевизм. *Беженец* приходит к выводу о том, что «болен мир, потому больно и искусство. А потому и улица так уродлива. <...> Жизнь не рождает красоты» [Булгаков 1993, 2: 608].

В последнем диалоге Булгаков вплотную подошел со своими героями к духовным проблемам русского общества и русской церкви. *Светский богослов* считает, что ключ к пониманию исторических событий следует искать в судьбах церкви. Православная церковь стала хоть и гонима, но свободна, а значит, способна к возрождению. *Дипломат*, называя церковь банкротом, не уверен, может ли

она выдержать испытания, переживая глубокий кризис. С ним согласен и *Генерал*, задающий вопрос: «Разве имела право церковь без борьбы отказаться от священной власти?» [Там же: 610]. В споре о позиции Православной Церкви и путях христианства *Беженец* подводит своих оппонентов к мысли о том, что с революцией 1917 г. наступила определенная грань в истории православно-самодержавного государства и православной церковности: «теократия по образцу священной империи не удалась» [Там же: 620]. Начинается период, когда христианство может воссоединиться перед общим врагом в грозный исторический час. «Все обессилеет пред стихийным влечением к единению во Христе» [Там же], — уверен и сам Булгаков, считая православие блюстителем истины церковной. Для него вопросы церкви и ее истинности в час Апокалипсиса не менее важны, чем судьбы и пути России.

Возвращаясь к идеям славянофилов о миссии России, Булгаков идет дальше, полагая, что возрождение национального и культурного сознания возможно только вокруг православной церкви. В то же время, по его мысли, для восстановления мира необходимо восстановить то драгоценное в живом теле церкви, что было утеряно Востоком и Западом в десятом веке. Вспоминая библейскую притчу о разбойнике, *Беженец* (а вместе с ним и Булгаков) считает, что Россия «греховная, обезбоженная, растрепанная, найдет в себе силы для вопля благоразумного разбойника в последний час истории, ибо она все-таки остается страной святых чудес. Здесь сверкнет белый луч мирового Преображения» [Там же: 623].

Но ведь это своеобразное славянофильство, которое преследует Россию и русские головы. Где же трезвое мышление без всяких химер? И когда Россия уподобится Европе и избавится от маниловщины и пугачевщины? Эти вопросы ставит прагматик *Дипломат*.

Но Булгаков был не согласен с идеологией либеральных партий; его монархические симпатии лишь усиливают консервативно-мистического видение истории. В заключение Булгаков подводит итог рассуждениям своих героев и приходит к выводу, что любая «великая война является прообразом и как бы исторической репетицией мирового потопа» [Там же: 624]. *Писатель* шутливо замечает, что начинается эпоха всеобщего беженства и в воздухе пахнет озоном от электрических разрядов. «Трудно быть современником великих событий, — констатирует *Писатель*, — быть гостем на пиру

богов, но нам, удостоенным этого избрания, должны завидовать поколения, жившие в более спокойную эпоху» [Там же: 625].

Россия будет спасена только своей истинной верой в Воскресение Христа и Богородичною силою. Таков заключительный аккорд и смысл религиозно-историософских размышлений Булгакова о судьбе России, войне и революции.

На первый взгляд может показаться, что рассуждения участников диалогов не имеют прямого отношения к проблемам войны и мира. Но именно война и революция вскрыли страшные нарывы общества, его духовные болезни, о которых беседуют герои Булгакова. Через историософскую публицистику Булгаков не только проанализировал трагические события в России, но и спрогнозировал ее будущее. Он был уверен в том, что только через религиозно-духовное очищение и путь покаяния, испытаний и любви Россия сможет обрести свое место в мире и выполнить миссию, предназначенную Промыслом Божиим.

В чем причины зла, почему интеллигенция прозевала духовный кризис общества и заняла выжидательную позицию, почему не произошло объединения Православия и духовных общественных сил России? На все эти вопросы Булгаков искал ответ, не всегда его находя. (До конца жизни Булгаков периодически возвращался к этим вопросам, ища на них ответ и в сопоставлении с европейским опытом. См.: Русское богословие... 2006)). Большевизм появился в России не случайно. Мистическое стечение обстоятельств, помешавшее России избежать трагедии, и те роковые силы, «черное провидение», которое воюет с Россией и ищет возможности ее связать и парализовать, явились, по его убеждению, главными причинами страшного кризиса русского общества.

Побуждать же людей не только к личному благочестию и благотворительности, но и к честной работе в «миру», к улучшению политической и экономической систем, к доброжелательному диалогу и активности способна религия. Религиозное возрождение — залог возрождения национального. В статье «Нация и человечество» Булгаков, рассуждая о принципе национальности, писал: «Любовь к родине есть все-таки духовное самоопределение. <...> Родина есть для нас предмет культурного творчества, это мы сами в наших особенных дарах и талантах. Родина есть наша душа и наша плоть как вместилище нашего духа. Поэтому ее полнота в нас есть maximum на-

шего бытия и творчества, ее ущербленность есть замирание его, и денационализация есть культурная смерть» [Булгаков 1993, 2: 648].

Духи русской революции Проблемы войны и мира в историософских размышлениях Н.А. Бердяева

Николай Александрович Бердяев глубоко сопереживал революционным событиям в России. В сборнике 1918 . «Из глубины» Бердяев констатировал факт той социальной катастрофы, о которой он предупреждал еще в начале XX столетия. В статье «Духи русской революции», написанной им в революционном Петрограде, он заметил: «На поверхности все кажется новым в русской революции — новые выражения лиц, новые жесты, новые костюмы, новые формулы господствуют над жизнью; те, которые были внизу, возносятся на самую вершину, а те, которые были на вершине, упали вниз; властвуют те, которые были гонимы, и гонимы те, которые властвовали; рабы стали безгранично свободными, а свободные духом подвергаются насилию. Но попробуйте проникнуть за поверхностные покровы революционной России в глубину. Там узнаете вы старую Россию, встретите старые, знакомые лица. Бессмертные образы Хлестакова, Петра Верховенского и Смердякова на каждом шагу встречаются в революционной России и играют в ней немалую роль, они подобрались к самым вершинам власти» [Бердяев 1990 а: 56].

Бердяев не бежал от революции, он не участвовал в Гражданской войне, он пытался жить, писать и преподавать в тех условиях и даже высказывал свою гражданскую позицию.

Одно из ключевых слов в творчестве мыслителя — *свобода* — уже подразумевает небезразличное отношение Бердяева к событиям революции [Семенов 2003: 62–77]. Он ждал перемен в русском обществе к лучшему, хотя всегда чувствовал противоречивую и апокалипсичную природу революции. Бердяев считал, что «революция обнажила корни русской жизни. Мы через нее узнали правду о России. А узнать правду — всегда величайшее благо» [Н.А. Бердяев: pro et contra 1994: 67]. Он был убежден в том, что свобода совести, являясь основой всякого права на свободу, не может быть отменена или

ограничена людской волей, государственной властью. По его мнению, Бог в свободе видит достоинство сотворенного им человека. Только в свободном существе образ и подобие Божие обнаруживаются» [Бердяев 1990 а: 88].

Позже, в работе «Самопознание» Н.А. Бердяев отметит: «Мне трудно вполне принять какую-либо политическую революцию потому, что я глубоко убежден в подлинной революционности личности, а не массы, и не могу согласиться на ту отмену свобод во имя свободы, которая совершается во всех революциях. <...> Я задолго до революции 1917 года писал, что эта революция будет враждебна свободе и гуманности. Таков трагизм русской исторической судьбы» [Бердяев 1991 а: 136].

Философ был уверен, что революционеры и контрреволюционеры не способны понять смысл происходящих событий, так как они — орудие революции. Историки разбираются в фактах, событиях, причинно-следственных связях, но понять смысл событий может только историософия. Именно с этой позиции и оценивал Бердяев последствия Первой мировой войны, русской революции, суть демократических и социальных реформ, целый спектр национальных и личностных проблем. Размышляя над природой революции и войны, возвращаясь к теме зла и насилия, он полагал, что, с точки зрения *религиозной историософии*, смысл революции «есть внутренний апокалипсис истории» [Там же: 107].

Революция иррациональна, она свидетельствует о господстве иррациональных сил в истории. Это нужно понимать в двойном смысле: старый режим стал совершенно иррациональным и не оправдан более никаким смыслом, а сама революция осуществляется через расковывание иррациональной народной стихии. Революция есть судьба и рок [Бердяев 1990 б: 106–107]. Революция разрушительна во всем, но главное, по мысли Бердяева, то духовное разрушение, которое несет революционная стихия. Комментируя события революции, в «Философии неравенства» он напишет: «В пламени костров, зажженных революцией, сгорают не только усадьбы стиля ампира, но также Пушкин и Толстой, Чаадаев и Хомяков, сгорает все русское творчество и русские предания» » [Бердяев 1991 б: 15].

Духами русской революции Бердяев назвал литературные образы героев произведений великих русских писателей, через которые те пытались понять глубину проблем российской жизни; все, что будо-

ражило, лихорадило Россию, и те причины, которые привели страну к катастрофе. В образах Гоголя и Достоевского, в моральных оценках Толстого можно искать разгадки бедствий и несчастий, которые революция принесла России. По мысли Н.А. Бердяева, в стихии революции обнаруживается колоссальное мошенничество, бесчестность как болезнь русской души. Революция представляет собой бессовестный торг — торг народной душой и народным достоянием. Она оперирует с мертвыми душами, она возводит богатство народное на призрачном, нереальном базисе. В вечно гоголевской России переплетается и смешивается трагическое и комическое. Называя русскую революцию трагикомедией, Бердяев считал, что самое мрачное и безнадежное в русской революции — ее *гоголевская суть*. Русскому человеку труднее всего почувствовать себя кузнецом своей судьбы, так как он не любит качеств, повышающих жизнь личности, и не любит силы. Всякая сила, повышающая жизнь, представляется русскому человеку нравственно подозрительной, скорее злой, чем доброй » [Бердяев 1990 а: 86]. С этими особенностями морального сознания связано и то, что русский человек берет под нравственное подозрение ценности культуры, не чувствуя нравственной обязанности творить культуру.

В силу того, что русский человек склонен все переживать трансцендентно, а не имманентно, данная особенность русского характера способствует, по мысли Бердяева, рабскому состоянию духа, что является показателем недостаточной духовной возмужалости. Бердяев всегда считал позицию русской интеллигенции одной из главных причин революции в России. Интеллигенция никогда не признавала в себе имманентными государство, церковь, отечество, высшую духовную жизнь. Бердяев полагал, что русская интеллигенция недостаточно сопереживала истории и исторической судьбе как имманентным себе и вела процесс против истории как против совершающегося над ней насилия. Такую позицию Бердяев считал в корне неправильной.

Существование великой России было возможно, пока трансцендентные переживания в массе народной сопровождались чувством религиозного благоговения и покорности. Но это трансцендентное переживание не перешло в имманентное переживание святости и ценности. Все осталось трансцендентным, но вызывает уже к себе не благоговейное и покорное отношение, а отношение нигилистическое

и бунтующее. Революция и есть болезненно-катастрофический переход от благоговейного почитания трансцендентного к нигилистическому бунту против трансцендентного [Там же: 85].

С точки зрения религиозной философии, революционная мораль и революционная святость глубоко противоположны христианству. Сравнивая толстовскую и революционную мораль, Бердяев усматривал в революционной морали враждебность христианству, так как эта мораль и эта святость претендуют подменить и заменить христианство с его верой в *богосыновство* человека и в благодатные дары, стяжаемые человеком через Христа-Искупителя. По мнению Бердяева, обманчивая революционная святость была послана русскому народу как испытание его духовных сил. За революционным духом не видно реальности, так как лживые и двоящиеся антихристовы образы пленяют и соблазняют, влекут русского человека. Русским людям, плененным духовно революционным максимализмом, свойственны переживания, родственные иудейской апокалиптике, той апокалиптике, которая была преодолена и побеждена апостолом Павлом и Христианской Церковью. По мысли Бердяева, революционная святость безбожна, ибо на пути достижения святости одним человеческим и во имя одного человеческого калечится и падает образ человека — образ и подобие Божье [Там же: 88].

В 1918 г., заглядывая в будущее, Бердяев писал о том, что только через осознание греховности, покаяние, через очищение духа народного от духов бесовских лежит путь к возрождению России. Даже когда народ пал и подверг свое национальное и государственное достоинство величайшим унижениям, остается идея народа и замысел Божий о нем. Старая Россия, в которой было много зла и уродства, но также и много добра и красоты, умирает. Новая Россия, рождающаяся в смертных муках, еще загадочна. Она не будет такой, какой представляют ее себе деятели и идеологи революции. Она не будет цельной по своему духовному облику. В ней более резко будут разделены и противоположны христианские и антихристианские начала. Антихристианские духи революции родят свое темное царство. Но и христианский дух России должен явить свою силу. Сила этого духа может действовать в меньшинстве, если большинство отпадет от него [Там же: 89].

Почему потребовалось столь подробно остановиться на размышлениях Бердяева о русской революции и ее глубинных истоках и

причинах? Один из главных мотивов наследия русской религиозно-философской мысли по проблемам войны и мира рубежа столетий — историософско-прогностический. В «Духах...», на наш взгляд, сквозь конкретику проблем войны и революции Бердяев четко обрисовал контуры будущего России. Бердяев пытался объяснить многие революционные и политические события через христианское представление о жизни, опираясь на духовные основы человеческого бытия. Если проанализировать путь России в XX в. с религиозной точки зрения, то это путь искупления и покаяния, путь к возрождению духовной России. И в дальнейших историософских раздумьях над судьбами родины Бердяев всегда декларирует духовно-историческую самобытность России.

В Первой мировой войне Н.А. Бердяев лично не участвовал, но был искренним и сопереживающим наблюдателем. В работе «Судьба России» Бердяев высказал много интересных и неоднозначных мыслей по поводу причин войны, ее последствий, психологии войны, взаимоотношений России и Запада. Переосмысливая Первую мировую войну и революционные события в России, Бердяев полагал, что необходим иной взгляд на события: «Те оценки, которые я применял в своих опытах, я считаю внутренне верными, но неприемлемыми уже к современным событиям» [Бердяев 1998: 267–268].

Корректируя свою позицию в отношении к войне, Бердяев писал: «Все время я горячо стоял за войну до победного конца. И никакие жертвы не пугали меня. Но ныне я не могу не желать, чтобы скорее кончилась мировая война. Этого должно желать и с точки зрения судьбы России, и с точки зрения судьбы Европы» [Там же: 269].

В то же время философ порой не видел за судьбой всей страны жизнь простого солдата с его физической болью, тяготами и горестями войны. Он упрекал Л.Н. Толстого в частной оценке военных событий, но и сам односторонне судил о войне. Война — не только глобальное событие, но событие и частное, касающееся судьбы отдельной личности. Бердяев полагал, что демократизация армии приводит к «убиению ее единой души». На войне нельзя думать о личной рефлексии; суть мистического тела армии — ее единая душа; только думая о «таинственной и священной цели жизни», возможна победа. Утверждая приоритеты духовной стороны событий, Бердяев гораздо меньше в своих рассуждениях уделял внимание их социальной стороне. Он полагал, что «весь мировой и исторический процесс со

своими жертвами и страданиями совершается для каждого Петра и Ивана, для его вечной судьбы» [Там же: 677].

Коренное отличие пацифизма от христианской точки зрения на войну в том, что рационалисты и позитивисты не видят целей жизни за пределами земной жизни. Христианство принимает войну с ее ужасами и страданиями, мысля при этом бессмертие и подразумевая религиозную истину — «ищите Царства Божьего, и все остальное приложится» [Там же: 726].

У Бердяева многие оценки происходящих событий с точки зрения мировой политики прозорливы и интуитивны. Его беспокоило будущее не только России, но и христианской Европы. Он полагал, что если мировая война будет еще долго продолжаться, «то все народы Европы со старыми своими культурами погрузятся во тьму и мрак. С Востока, не арийского и не христианского, идет гроза на всю Европу» [Там же].

Предсказывая Европе внутренний взрыв и катастрофу, подобную российской, Бердяев предвидел наступление Азии на позиции европейской культуры. По его мнению, после ослабления и разложения Европы и России может «воцариться китаизм и американизм, две силы, которые могут найти точки сближения между собой» [Там же: 297].

Заглядывая в будущее, Бердяев предполагал, что «мир приближается путем страшных жертв и страданий к решению всемирно-исторической проблемы Востока и Запада» и что России выпадет в этих событиях центральная роль [Там же: 323]. Он предчувствовал, что Россия и вся Европа вступают в великую неизвестность, в новое историческое измерение. Но при этом Бердяев всегда был уверен в том, что у России особое предназначение и что именно поэтому Россия, как Божья мысль, останется великой; в ней есть неистребимое онтологическое ядро [Там же: 270].

Задумываясь над причинами катастрофы, произошедшей в 1917 г., Бердяев считал, что вина лежит не на одних крайних революционно-социалистических течениях, так как эти течения лишь закончили разложение русской армии и русского государства. Начали разложение российского государства умеренные либеральные течения. Бердяев возлагает в своих размышлениях вину на всех, полагая, что нельзя «было расшатывать исторические основы русского государства во время страшной мировой войны, нельзя было отрав-

лать вооруженный народ подозрением, что власть изменяет ему и предает его. Это было безумие, подрывающее возможность вести войну» [Там же: 269]. Вглядываясь в будущее России, Бердяев писал, что к мыслям о судьбе страны примешивается «много горького пессимизма и острой печали от разрыва с великим прошлым» [Там же 270].

Летом 1918 г., в «атмосфере страстного духовного противления торжествовавшей коммунистической революции» [Там же 727], Бердяев написал работу «Философия неравенства». (Далее работа цитируется по ее публикации совместно с другими произведениями Н.А. Бердяева в книге «Судьба России».) Он отвергает демократию и социализм как «принудительную добродетель и принудительное братство» [Там же 516]. Позднее он вернется к размышлениям о социалистической идее, но останется противником большевистского тоталитаризма, которому всегда духовно противостоял.

Для Бердяева было очевидно, что в основе любого тоталитарного режима лежит одна из самых сложных форм насилия — психическое насилие, занимающее пограничное положение между сферой духовной и сферой материальной. Заветная мечта любого диктатора — владеть душами. В «Философии неравенства», впервые опубликованной в Берлине в 1923 г., Бердяев полемизирует с русской интеллигенцией, считая ее главным виновником событий, происшедших в России в 1917 г. Революционеры — это практики, народ — «краб темных стихий», а вот интеллигенция, по мнению Бердяева, долгие годы отравляла душу народа ядом материализма, подтачивала «духовные основы жизни русского народа».

По мнению Бердяева, человек постоянно находится в плену хаотической стихии. Он полагает, что «освобождение человека, человеческой личности и есть освобождение из плена хаотической стихии, а не освобождение хаотической стихии в человеке и народе. Вот почему все глубокие люди понимали, что истинное освобождение предполагает момент аскезы, самодисциплины и самоограничения» [Там же 515]. Насилие как духовное явление, переходя в мир материальный, проявляет себя в разных формах, одной из которых является война.

Война — порождение греха и искупление греха; война сочетает в себе «тьму и свет, ненависть и любовь, животный эгоизм и высшее самопожертвование, <...> в ней есть и великое добро, и великое

зло» [Там же 672]. Именно поэтому Бердяев всегда был уверен в том, что все войны совершаются на небесах, где добро борется со злом [Там же 422]. Вне христианского смысла история не может иметь никакого смысла. По мнению Бердяева, «только христианская эсхатология разрешает проблему прогресса и проблему страдания» [Там же 206].

Природа войны иррациональна, она говорит о «демонических силах в человеке, об огне, который всегда может вспыхнуть и сжечь все человеческие интересы» [Там же 672–673]. Война как многовековой опыт человечества опровергает рационалистические взгляды на историю, «ибо поистине народы должны сходить с ума, чтобы воевать» [Там же 673]. Бердяев считал, что рациональное оправдание войны какими бы то ни было интересами нелепо. Рационалисты и позитивисты склонны к пацифизму. Пацифисты не верят в вечную жизнь, страшась смерти на войне, а верующие христиане, «принявшие в сердце свое заповедь божественной любви» [Там же], полагают за величайшее благо погибнуть на поле брани за Отечество.

В своем монологе, обращенном к пацифистам-гуманистам, Бердяев согласен с Евангельским заветом — убивающих душу нужно бояться больше, чем убивающих тело. Мирная жизнь порой чаще наполнена духовным убийством, чем военная [Там же 674]. Упрекая пацифизм, он подчеркивал: «Материальное имеет лишь символическую, значковую природу. Вы же хотите устранить последствие, оставить причину, уничтожить внешнее выражение, не изменив внутреннего существа. Война говорит о самобытной исторической действительности, она дает мужественное чувство истории» [Там же].

Бердяев размышляет о глубинных причинах зла и насилия и задается вопросом о том, что война страшна не физической смертью, а тем, что она отравляет и растлевает души. Он считал, что всякое убийство не только акт воли, направленный на отрицание и истребление человеческого лица, но и «по внутренней своей сущности есть убийство духовное, а не физическое» [Там же].

На первый взгляд, позиция Бердяева по отношению к воину может показаться абсурдной, ибо он писал о том, что воины не убийцы, на их лицах не лежит печати убийцы, а на мирных лицах можно чаще увидеть эту печать. Война может «сопровождаться убийствами как актами духовной ненависти, направленной на человеческое ли-

цо, и фактически сопровождается такими убийствами, но это не присуще войне и ее онтологической природе» [Там же].

Корень зла нужно искать в мирных по внешнему обличью временах, в которых накапливается духовная злоба. Война лишь искупает содеянное зло. Всегда можно найти корни доброго начала в злой войне. Это проявление мужества, храбрости, самопожертвования, героизма, рыцарства. На войне проявляются лучшие качества человеческой природы — любовь к Родине, бесстрашное отношение к смерти. «При духовно должном отношении к ней (войне. — Л.С.) она облагораживает и возвышает человеческую душу» [Там же: 674–675].

Каковы же, по мысли Бердяева, пути к искоренению зла? Он вновь возвращается к идее Богочеловечества, выдвинутой В.С. Соловьевым. Суть ее не только в слиянии идеи Бога и Человечества. По Бердяеву, качественное изменение жизни, вхождение в новую фазу человеческой истории возможно лишь на путях сохранения и укрепления человеческой духовности, накопления ценностей духовного порядка, возвышающих человека. Процесс постепенного расширения духовного мира личности и общества происходит непрерывно, но при этом определенной частью общества осуществляется встречное, обратное движение. В результате возникает противоречие, которое обществом переживается как ощущение насильственности.

В зависимости от целого ряда внешних и внутренних условий в определенный исторический период негативная тенденция может одержать верх и привести к печальным последствиям — регрессу общества и деградации личности. В условиях роста цивилизации личность становится придатком машины, превращается из цели в средство. Мир, созданный руками человека, приходит в противоречие с природой. В этом, по мнению Бердяева, кроется одна из причин роста насилия. Он подчеркивал, что милитаризм и пацифизм одинаково лживы, ибо выражают лишь внешнюю сторону бытия. «Войну можно принять лишь трагически-страдальчески», — писал Бердяев, — принимая ее антиномию и понимая, что в войне есть не только озверение и потеря человеческого облика, <...> есть в ней и великая любовь, переломленная во тьме» [Там же: 428].

Вопрос о происхождении зла в мире, «о предмирном грехопадении и об искуплении» Бердяев считал одним из главнейших вопро-

сов о смысле истории. Зло философ понимал не статично, а динамично, как процесс, проходящий в своем развитии три качественно отличающихся друг от друга периода. *Зло метафизическое* предстает перед человеком как несовершенство мира. *Зло нравственное* приближено к человеку, но еще не допущено в душу. Это начало грехопадения, начало истории человечества. *Зло, ставшее историческим явлением*, — это зло в душе человека, которое укоренилось в его бытии. Здесь уже совершен выбор, решена коренная нравственная проблема творения зла или добра.

Часто зло приходит в образе добра. Бердяев считал, что зло, равно как и добро, имеет свое начало в свободе. Личность самоопределяется изнутри. Зло определяет личность извне, оказывая влияние на свободу выбора. И таким образом, зло, проходя вышеуказанные стадии, завершает свой путь в истории личности, становясь насилием. *Насилие*, по Бердяеву, выступает как *очеловеченное зло*. Причем увеличение зла в мире не обязательно ведет к увеличению насилия, а вот увеличение насилия неизбежно сопутствует росту зла. Философ рассматривал два аспекта насилия: внутренний и внешний.

Большее внимание Бердяев уделял внутреннему, этическому аспекту насилия. Все зависит не только от свободного выбора личности в пользу творения зла (прямого или косвенного), но и от духовной ориентации личности, когда насилие становится доминантой искаженной духовности личности, преобладающим мотивом ее поведения. Здесь возникает вопрос о прагматических интересах общества и отдельно взятого человека, об утилитарных целях и конкретной пользе, вопреки общечеловеческим ценностям. Бердяев считал, что причины и условия, связанные с характером проявления насилия, внутренним образом связаны с цивилизацией. Но цивилизация с ее антидуховными тенденциями развития влияет и на внешний аспект насилия. Человечество движется не только вперед, но и, наоборот, в сторону природной основы людей. Насилие противодуховно. Движение назад вытекает из двойственной природы человека. Каждый из нас является противоречивым единством двух противоположных начал: материи и сознания, звериного и человеческого, тленного и вечного. Поэтому сущность насилия, его природа может быть определена как духовно-материальная, а не наоборот. И здесь Бердяев в первую очередь рассматривал проблемы и причины духовного порядка, т.е. внутренние, а не внешние.

Сущность войны — это объективированное насилие. Физическому насилию всегда предшествует духовное. Война понимается не как источник зла, а как «рефлекс на зло», ее природа символическая. «Известное состояние духовной действительности, в которой пребывает человечество, неизбежно должно пользоваться материальными знаками, как орудиями, без которых не может себя реализовать духовная жизнь» [Там же: 423]. Исходя из посылки, что глубинные корни всех войн не в материальной реальности, но в духовной, Бердяев считал, что война не создает зла, она его выделяет. Но здесь логически напрашивается вопрос: как же быть с тем злом, которое порождает война. Насилие ничего, кроме насилия, породить не может.

В то же время война была в самом истоке человеческой культуры, являясь могущественным ее двигателем [Там же: 683]. Бердяев классифицировал войны, тем самым определяя их значение в судьбе народов. Мировую войну Бердяев характеризовал как самую крайнюю форму осуществления насилия, граничащую с абсолютным злом. Страшные жертвы войны трудно объяснить какими-либо интересами. По глубокому убеждению Бердяева, корни войны следует искать в ее метафизической природе. Антиномичная и иррациональная природа войны проявляется в ее парадоксах. Чем непонятнее, таинственнее, иррациональнее цель войны, чем больше священного трепета и священной покорности вызывает война, тем организованней войско и тем лучше оно воюет [Там же: 676].

Бердяев не согласен с разделением войн на справедливые и несправедливые, считая, что в столкновении народов «моральная работа на одной стороне может быть относительной» [Там же: 679]. Война, по мнению Бердяева, не является борьбой за моральную правду и справедливость, она скорее борьба за онтологическую силу наций и государств. Он видел в войне состязание народных духов за осуществление своего предназначения в мире. Тот народ, который совершает насилие, несет в мир слишком много горя и страданий, ждет имманентная кара [Там же: 680].

Войны бывают между народами, равными по своей культуре, и народами, совершенно различными в своем развитии — могущественными, высококультурными и слабейшими, малокультурными. Первый тип войн Бердяев называл «состязанием империализмов», второй тип — «осуществлением империалистических задач» [Там

же]. Он выделял также тип войн за национальное освобождение и тип варварских войн, разрушающих цивилизацию, но имеющих смысл, скрытый от «нашего поверхностного взора» [Там же: 681]. Все зависит от той цели, которую нация преследует в войне. Историческая война ведет к миру и объединению, где мир — состояние, но не процесс. В объединяющей функции войны Бердяев видел тот фактор, который двигает исторический процесс и определяет политическую карту мира. По мнению философа, любая война характеризует динамизм исторического процесса.

Войны не только объединяют народы, но и разъединяют. Человеческая личность изначально порабощена обществом, трагедия человеческой жизни коренится в столкновении ценностей и постоянном выборе тех или иных правд. Поэтому личность может стать не средством, а целью в историческом процессе только в достижении идеи Богочеловечества. Война выявляет греховную природу человека, накопившееся зло и агрессию, тем самым показывая относительную сторону достижений цивилизации. Война уничтожает культуру и возвращает человека к его темным стихиям. Бердяев был уверен в том, что нужно не только желать мира, но и чувствовать скорбь и ужас войны. Война есть смешанная действительность, вызывающая героизм и любовь к Отечеству и одновременно ненависть и злую корысть.

Мировая война, по мнению Бердяева, «не разрешила никаких задач и кончилась дурным миром» [Там же: 684], внутренне продолжаясь. Многим она принесла величайшие разочарования. Бердяев писал о своих пессимистических предчувствиях. Мир движется не к идиллии вечного мира, но к борьбе, к столкновениям исторических сил. Социалистический интернационализм подменяет дух христианской вселенскости [Там же: 682]. В идее вечного мира Бердяев видел буржуазную идею внешнего благополучия, под которым совершаются духовные убийства. Истинный путь к миру — в поиске пути к Царству Божьему. К этой мысли Бердяев постоянно возвращается на страницах своих произведений. Война ведется не только на ограниченных пространствах земли, она «ведется во всех планах бытия, во всех иерархиях, она ведется и на небесах» [Там же]. Буржуазный и социалистический «вечный» мир не может предотвратить последней апокалипсической войны, которая переведет «материальное столкновение в план духовный» [Там же: 683].

Рассматривая различные типы организации общества, Бердяев выделял *военный и промышленный тип*. Если в спартанском, прусском и русском государстве выражен романтизм войны, который не устраняет экономические интересы, но воспитывает особое почитание воинских доблестей и ценностей, то буржуазные общества, воспитанные на основе мещанских ценностей, относятся к промышленному типу. Войны за сферы влияния между буржуазными государствами отличаются особым цинизмом и, по мнению Бердяева, ведут к ускорению озверения человечества. По его словам, «отпадение от глубины довело уже народы до кровавого раздора и до неслыханных катастроф» [Там же: 729].

Определяя роль войны в историческом процессе, Бердяев разделял войны на две большие группы: исторические (национальные) и социальные (гражданские). Если первые играют роль созидательных, то вторые разрушают основы человеческого бытия. Главным ценностным критерием является духовная подоплека. Социальные, классовые войны наиболее опасны для человечества, так как в них «отрицается всякая человеческая этика» [Там же: 678]. Если историческая война имеет свою обязательную этику, то в революционных классовых войнах все считается дозволенным.

Как религиозный гуманист, Н.А. Бердяев оправдывал войну лишь с точки зрения исторических задач народа. Исторические войны, по Бердяеву, нравственно выше социальных. Через великие войны, по его мнению, смешивались и соединялись расы, племена, национальности, объединялось человечество на поверхности земного шара.

Бердяев делает вывод, что «война не отрицает реального единства, рожденного не из интересов, а из самих недр бытия» [Там же: 679], но она подтверждает антиномичность и иррациональность жизни в «иерархически реальных единствах». У каждого народа есть своя «идея», вложенная Богом. И каждый народ имеет право на своеобразное соревнование за свою «идею», в которой обозначен духовный смысл. Поэтому моральное право победителя относительно. Войны, которые ведутся через государство как форму существования нации, характеризуют те или иные ценности народа и его государства.

Есть и еще один важный аспект, который затронул философ, — трагедия человеческой жизни в столкновении ценностей разного порядка. Эта трагедия коренится в свободном выборе между Отече-

ством и любовью к ближнему, человечеству, культуре и просто к самому себе. Для христианина — это трагедия вдвойне. Бердяев беспристрастно вскрыл трагическую суть войны, которая «ставит человека лицом к лицу со смертью, и это прикосновение к тайне смерти углубляет человека» [Там же: 683–684].

Для Бердяева как персоналиста важно отметить это нравственное противоречие войны, которое проходит через личность и является одной из основных идей его философии.

Какие перспективы у человечества? Каковы пути к миру? Насколько возможно духовное возрождение? На эти вопросы Бердяев имел свою точку зрения. Он полагал, что более глубокие (духовные) критерии должны занять преобладающее место и оттеснить политические критерии, от которых «мир задыхается и исходит кровью» [Там же: 729–730]. Важно, чтобы политика заняла второстепенное место и не определяла критерии добра и зла. Люди должны объединяться по духовным, а не по политическим принципам. Только тогда в мире произойдет возрождение.

Размышляя над историческими судьбами человечества и бесконечной чередой войн, Бердяев был убежден, что события мировой войны и русской революции подтверждают истину исторического пессимизма, отвергающую утопии и иллюзии совершенного общественного устройства. Единственно правильный путь — христианский. Окончательная победа над злом человеческой природы и природы мира «есть преобразование мира, «новое небо» и «новая земля» [Там же: 730].

Эмигрантский период для Бердяева — время осмысления трагического опыта войн и революций в России, глубочайших мировых социальных и духовных трансформаций. В эти годы Бердяев много работает, выступает с лекциями, пишет, размышляет, полемизирует. Философ считал, что русский коммунизм стал своеобразной проекцией и деформацией старой русской мессианской идеи. В Западной Европе коммунизм был совершенно другим явлением. В работе «Царство Божие и царство Кесаря», опубликованной на страницах «Пути», Бердяев писал: «Нравственное падение людей является следствием нарушения нравственного закона, установленного Богом. Источник войн не трансцендентен, но приземлен. Он зависит от человеческой нравственности» [Бердяев 1992: 24–25].

Причину многих трагических и реакционных процессов в жизни социума Бердяев видел в сложных процессах, происходящих внутри христианства. По мнению Бердяева, христианство переживает болезнь возраста, когда кончается целый исторический период со времен Константина Великого. Внутренний кризис христианства определяет все внешние исторические катастрофы, что по-новому формирует отношения между Церковью и стихиями мира сего. Бердяев считал, что «радикально меняется отношение царства кесаря, в котором происходят бурные процессы, к вечным целям Царства Божия» [Там же].

Снова Бердяев возвращается к теме добра и зла, страдания и духовного обновления, назначения человека и христианского творчества. Каковы пути к познанию абсолютного добра, ведущего к Царству Божию как всестороннему совершенству? Мучительное раздвоение личности начинается с момента испытания свободой: неопределенное «ничто» (меон) осуществляет свою свободу в форме восстания против Бога, и тогда возникает зло, а вместе с ним сознание и различие «добра» и «зла». В борьбе со злом вырабатывается *лаконическая этика* [Андрияускас 1988: 42–50]. Всеобщее спасение — единственный путь борьбы со злом. Только в Царстве Божием осуществлена совершенная любовь, ничем не нарушаемая гармония абсолютного добра. По мнению Н.О. Лосского, заслуга Бердяева состояла в том, что он весьма оригинально показал, как «мало добра в нашем добре», нашей индивидуальной, социальной и даже церковной жизни [Лосский 1994: 466–467].

Живя за пределами России, Бердяев постоянно возвращался к теме Отечества, к тем событиям, современником которых он стал. Он предвидел, что на смену мировой войне и революции придет «неблагополучие и великие потрясения». В книге «Русская идея» Бердяев с горечью это констатировал. Но он всегда верил в огромный потенциал России, глубокие духовные корни русского народа, в творческую личность. Пережив две мировые войны, в 1946 г. Николай Александрович написал: «У меня в результате испытаний выработалось очень горькое чувство истории».